

О «ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕТЕНЗИЯХ» И «НЕРАВНОПРАВНЫХ ДОГОВОРАХ» В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Сергей ГОНЧАРОВ, советник-посланник Посольства России в Китае, кандидат исторических наук,

Ли ДАНЬХУЭЙ, профессор Пекинского университета

(Редакция не располагает, к сожалению, фотопортретами авторов)

От редакции. 40 лет назад, в феврале 1964 г., в Пекине начались советско-китайские переговоры о границе. Было положено начало длительному и сложному процессу, который к настоящему моменту привел к почти полному урегулированию пограничных вопросов. Публикуя эту статью, мы хотели бы обратить внимание читателей на события сорокалетней давности, которые имеют достаточно важное значение и для современности.

В статье 6 подписанного 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой отмечается «отсутствие взаимных территориальных претензий»¹.

Учитывая непростую, порой драматичную историю двусторонних связей, следует признать, что такая формула и политически, и психологически крайне важная для отношений между Москвой и Пекином, создает основу для новой идеологии их развития. Председатель КНР Цзян Цзэминь удачно охарактеризовал такую идеологию выражением: «Навеки друзья и никогда — враги».

Однако, невзирая на конструктивный дух Договора, и с китайской, и с российской стороны в адрес этой его статьи стали раздаваться критические замечания. Некоторые представители зарубежных китайцев в статьях, опубликованных в Гонконге, но явно рассчитанных на аудиторию внутри КНР, обвиняют Цзян Цзэминя, подписавшего Договор, в забвении национальных интересов страны. Утверждается, что практически все пограничные договоры, подписанные в XIX в. царской Россией с дряхлевшей династией Цин, были силой навязаны китайской стороне и являются неравноправными. Благодаря этим договорам Россия якобы «отторгла у Китая полтора миллиона квадратных километров территории». По мнению китайских критиков Договора, такие руководители, как Мао Цзэдун, никогда не признавали законности «неравноправных договоров», требовали от Советского Союза вернуть утраченные в XIX в. земли. На этом фоне, утверждают подобные деятели, Цзян Цзэминь совершил непростительную ошибку, порвав с курсом предшественников и согласившись на включение в текст Договора положения об «отсутствии взаимных территориальных претензий». Эти авторы призывают к пересмотру и Договора от 16 июля 2001 г., и действующих российско-китайских соглашений о границе².

Среди российских критиков «пограничной» статьи рассматриваемого Договора популярно мнение о неких «замороженных» или «отложенных» территориальных претензиях к Советскому Союзу, а затем — к России со стороны Китая. Они пишут, что китайское руководство и в прежние времена, и ныне исходило и исходит из необходимости возратить земли, «отторгнутые» Россией в царские времена на основе «неравноправных договоров». Такие российские критики подчеркивают, что, по мнению китайцев, подобное «возвращение утраченного» нужно воспринимать как восстановление исторической

справедливости, а отнюдь не как «территориальные претензии». Отсюда делается вывод, что положения Договора о нерушимости границ и территориальной целостности на деле мало чего стоят и что, подписавшись под тезисом об отсутствии территориальных претензий, китайская сторона на самом деле по-прежнему строит планы вернуть «отторгнутые Россией» полтора миллиона квадратных километров³.

Подобные суждения, к сожалению, подчас тиражируются в российских и китайских СМИ, зачастую приобретаемая в облегченном бульварном изложении совершенно одиозные, уродливые формы. Они, эти мнения, прямо или косвенно в определенной степени воздействуют на общественное мнение двух стран, работая на создание атмосферы взаимного недоверия и отчужденности. Все это делает важной и актуальной задачу спокойно, непредвзято и нелицеприятно разобраться в том, как же на самом деле высказывались о «неравноправных договорах» и «территориальных претензиях» китайские руководители, чем были обусловлены их заявления в каждый данный момент. Выполнение этой задачи облегчается обнародованием многих важных материалов, ранее недоступных исследователям.

В конечном счете, и для российских, и для китайских приверженцев «теории территориальных претензий» главным основанием является содержание состоявшейся 10 июля 1964 г. беседы Мао Цзэдуна с председателем японской социалистической партии Коцзо Сасаки, парламентариями Тосио Курода и Каненуцу Хососеко, а также заместитель председателя ассоциации японо-китайской дружбы Тетцуо Ара. Приведем перевод «пограничной» части этого диалога в наиболее аутентичной версии⁴ (эта беседа не была опубликована ни в одном из официальных изданий собраний произведений Мао).

«Тетцуо Ара: У меня есть один вопрос. Вы говорили, что две великие державы стремятся контролировать весь мир. В настоящее время в Японии существует своеобразная ситуация, когда японские архипелаги Окинава и Рюкю оккупированы американцами. Однако же на севере, недалеко от Хоккайдо, где я живу, имеются Курильские острова, которые оккупированы Советским Союзом. С нашей точки зрения, они именно оккупированы. Говорят, что Курильские острова были переданы Советскому Союзу на основании декларации Потсдамской конференции⁵, в которой мы не участвовали. Мы в течение длительного времени обращаемся к Советскому Союзу с требованиями о возвращении, но никаких результатов нет. Очень хотел бы узнать мнение председателя Мао по данному вопросу.

Мао Цзэдун: Советский Союз захватил слишком много земель. На Ялтинской конференции Монголии номинально предоставили независимость, номинально отрезали ее от Китая. Фактически же она находится под контролем Советского Союза. Территория Внешней Монголии намного превосходит ваши Курильские острова. Мы в свое время ставили вопрос о том, нельзя ли вернуть Монголию Китаю. Они нам отказали. Я ставил вопрос об этом еще в 1954 году, когда Хрущев и Булганин приезжали в Китай⁶. А еще они отрезали от Румынии кусок, называемый Бессарабией, отрезали от Германии кусок Восточной Германии. Они выгнали на Запад всех немцев из восточной части Германии. Они отрезали кусок от Польши и передали его Белоруссии. Затем они отхватили еще кусок от Германии и передали его Польше, дабы компенсировать передачу польских земель Белоруссии. Они еще отрезали кусок и от Финляндии⁷. Они отрезали все, что можно было отрезать. Некоторые говорят, что в придачу они хотят отрезать еще китайские Синьцзян и Хэйлунцзян. Они нарастили военную мощь на границе с нами. Я считаю, что все это не нужно было отрезать. У Советского Союза и без того территория уже слишком большая, более 20 миллионов квадратных километров. Население же составляет лишь 200 миллионов. У вас, японцев, население составляет более 100 миллионов, а площадь территории — лишь 370 тысяч квадратных километров. Более 100 лет назад они отрезали земли к востоку от Байкала, включая и Боли⁸, и Хайшэньвэй⁹,

и полуостров Камчатка. Этот счет не погашен, мы еще не рассчитались с ними по этому счету. Поэтому, что касается ваших Курильских островов, то для нас нет никакой проблемы с тем, чтобы вернуть их вам».

Следует иметь в виду, что эти высказывания были сделаны китайским руководителем в момент крайнего обострения советско-китайской полемики, когда Мао чрезвычайно нуждался в союзниках на международной арене. В ходе этой беседы он сделал все возможное, дабы понравиться японцам, и даже, в свойственной ему парадоксальной манере, заявил, что японская агрессия против Китая была «благим делом». Высказывания Мао по территориальному вопросу отнюдь не назовешь подобного рода парадоксом, своеобразной шуткой. Их смысл кажется весьма зловещим. Они прямо противоречат заявленному тогда же китайским премьером Чжоу Эньлаем официальному подходу Китая к пограничным переговорам с СССР, которые начались в Пекине в феврале 1964 г.

6 октября 1964 г. Чжоу Эньлай следующим образом изложил китайские оценки хода переговоров в беседе с румынским премьер-министром Г. Маурером: «Переговоры шли полгода. Мы выдвинули три принципиальных подхода к пограничным переговорам. Затем еще выдвинули три конкретных предложения. Три наших принципа были следующие. 1. Подписанный с царской Россией до XIX века Нерчинский договор¹⁰, исходя из тогдашних обстоятельств, нельзя считать неравноправным договором. Те договоры, которые царская Россия после середины XIX века навязала китайской династии Цин, являются неравноправными договорами. Что касается границы, определенной этими договорами, то мы не требуем ее изменять. *Мы также не выдвигаем территориальных претензий* (подчеркнуто авторами). 2. Принцип проведения пограничных переговоров должен состоять в том, чтобы, взяв за основу первоначально имевшиеся договоры, посмотреть, в каких местах та или иная сторона вышла за пределы линии границы, определенной этими договорами, и дополнительно заняла некоторые участки. В таких случаях придется возвратить земли. Если проводить пограничную линию в соответствии с таким принципом, то обеим сторонам придется что-то отдать и что-то приобрести, придется провести упорядочение. 3. Основываясь на неравноправных договорах прошлого, нужно полностью демаркировать всю протяженность пограничной линии. После внесения некоторых надлежащих изменений необходимо заключить новый договор на замену старым договорам. Таким образом, эти неравноправные договоры более не будут существовать...»¹¹. Как видим, Чжоу Эньлай ни словом не упоминает о «территориальном счете», о котором говорил Мао. Факты свидетельствуют, что именно такого подхода придерживались китайские переговорщики во время бесед с советскими коллегами.

Причину явной нестыковки между июльским высказыванием Мао и октябрьским заявлением Чжоу можно понять, если принять во внимание два важных фактора. Прежде всего немалое значение имеет то, что к июлю 1964 г. на советско-китайских пограничных переговорах были достигнуты серьезные результаты. Удалось согласовать прохождение государственной границы практически на всем протяжении ее восточной части, за исключением участка под Хабаровском (тогда договорились по 4 200 км из 4 280 км). После этого переговоры зашли в тупик. Одной из главных причин было то, что советские представители отказывались согласиться на китайское требование о признании «неравноправными» всех договоров о границе, заключенных между царской Россией и Китаем в XIX в.¹²

Кроме того, нужно иметь в виду, что Мао, когда попадал в затруднительное положение, часто по собственной инициативе обострял ситуацию, выводил контрагента из равновесия и заставлял его напрягаться, а затем, взяв в свои руки инициативу, дозированно снижал давление, постепенно ведя дело к нужной для себя развязке. Именно так Мао поступил, например, когда поставил целью создать канал прямого дипломатического общения с США. В сентябре 1954 г. НОАК приступила к обстрелу контролируемых Тайванем прибрежных

островов; это породило необходимость в переговорах с США для урегулирования возникшего кризиса и, наконец, 1 августа 1955 г. начал функционировать механизм китайско-американских консультаций на уровне послов в Варшаве, который просуществовал долгие годы.

Как продемонстрировало последующее развитие событий, «пограничная часть» заявления Мао Цзэдуна от 10 июля 1964 г. была тактическим ходом, призванным сдвинуть пограничные переговоры с мертвой точки с тем, чтобы по крайней мере зафиксировать документально уже достигнутые договоренности. Реально позиция Мао не отличалась от позиции Чжоу и он не собирался требовать от СССР возврата полутора миллионов квадратных километров территории. Мао Цзэдун стремился оказать давление на советскую сторону, поставив ее перед суровым выбором: или результативное завершение шедших тогда переговоров о границе, или пугающая перспектива в будущем «получить по оплате» счет на полтора миллиона квадратных километров. Мы можем сейчас достоверно установить, каковы были на деле планы китайского лидера именно благодаря тому, что им не суждено было осуществиться.

12 июля 1964 г. японские социалисты, проводившие вышеупомянутую беседу с Мао, прибыли в Гонконг и дали первые интервью прессе. В тот же день в японских газетах появились краткие сообщения о том, что китайский руководитель поддержал японскую позицию по Курилам¹³. Через несколько дней было опубликовано более подробное изложение содержания этой беседы, где говорилось уже не только о Курилах, но и о территориальных проблемах между Китаем и СССР¹⁴. Посольство СССР в Пекине обратилось за разъяснениями по поводу всех этих сообщений в МИД КНР. Заместитель министра иностранных дел Ван Биннань в ответ заявил, что «...Если Мао Цзэдун так говорил, то он (т.е. Ван Биннань) с ним согласен»¹⁵.

1 августа 1964 г. в газете «Асахи» было опубликовано содержание беседы Чжоу Эньлая с очередной делегацией японских социалистов¹⁶. Китайский премьер заявил, что поддержка по Курилам, выраженная Мао во время беседы с японцами 10 июля, является не тактическим приемом, а последовательной политикой КНР. Кроме того, Чжоу Эньлай вспомнил, как в январе 1957 г. он указал Хрущеву на ошибки, допущенные СССР в урегулировании территориальных вопросов с Японией, Китаем, странами Восточной и Северной Европы. Для советского руководства это заявление Чжоу послужило важным косвенным подтверждением того, что 10 июля Мао в разговоре с японцами действительно поддержал их притязания на Курилы, предъявив «территориальный счет» Советскому Союзу. Наконец, 11 августа 1964 г. полный текст беседы, состоявшейся 10 июля, был опубликован в еженедельнике «Секай сую», издаваемом информационным агентством Киодо Цусин¹⁷.

Получив всю эту информацию, советская сторона однако же, против ожиданий Мао, не пошла на уступки, но еще более ужесточила свою позицию на переговорах в Пекине. С конца июля так и не удалось сделать ни шагу вперед. 1 августа состоялось последнее пленарное заседание. 21 августа 1964 г. глава советской делегации заявил своему китайскому коллеге, что на следующий день вылетает в Москву. Таким образом, не оправдался расчет Мао на то, что его заявление от 10 июля катализирует продвижение переговорного процесса.

Между тем поступали все новые свидетельства, что эта беседа Мао Цзэдуна с японскими социалистами привела к ужесточению позиции СССР. 2 сентября 1964 г. «Правда» опубликовала огромную (на целую страницу) редакционную статью «По поводу беседы Мао Цзэдуна с группой японских социалистов». В ней в весьма жесткой форме опровергались основные тезисы, высказанные китайским руководителем 10 июля. В советской печати развернулась серьезная кампания, направленная на осуждение заявленной Мао позиции¹⁸. Все это стало вызывать определенное беспокойство в мире. Мао пришлось в таких условиях занять не наступательную, а скорее оборонительную позицию, разъясняя истинный смысл высказываний, прозвучавших 10 июля.

10 сентября 1964 г. Мао Цзэдун встретился в Пекине с руководством французской технической выставки. Состоялся следующий весьма любопытный диалог:

«**Директор французской выставки.** Кажется, здесь был некий парламентарий от японской соцпартии, который говорил, что Народный Китай проводит с Советским Союзом переговоры по пограничным и территориальным вопросам; говорилось также, что существует территориальная проблема в отношении 1 миллиона 500 тысяч квадратных километров. Так ли это?»

Мао Цзэдун. А, опять этот вопрос. Дело было так. Один японский парламентарий поставил вопрос о Курильских островах. Они хотят возвратить Курильские острова. Еще до этой беседы я узнал, что Советский Союз отправил делегацию в Японию для переговоров. Там представители Советского Союза не говорили категорично, что не могут возвратить острова Японии. Это была как раз та самая делегация Микояна¹⁹. Так вот и начали разговор об этом вопросе. Я ведь не говорил, что более миллиона квадратных километров непременно нужно возвратить Китаю. Я только сказал, что было такое дело. Это были неравноправные договоры, принятие которых было навязано Китаю. А еще была Монголия, в отношении которой Китай также заставили принять решение. Я еще много говорил о подобных проблемах... Наш друг и товарищ Хрущев очень любит заниматься чужими проблемами. Он заявил: почему Китай не испытывает интереса к возвращению Макао и Гонконга? Я в ответ заявил, что вопросы у нас есть не только по Макао и Гонконгу²⁰. Уже много лет назад наш премьер разговаривал с Хрущевым²¹ и сказал: «Вы нехорошо решили территориальный вопрос, хотите ли подтверждений?»²²

Несмотря на сохраняющийся полемический задор, в этих словах китайского руководителя имеются по крайней мере два серьезных отличия от его заявления от 10 июля 1964 г.:

- во-первых, теперь Мао Цзэдун преподносит вопрос о «более чем миллионе квадратных километров» не как политический, а как сугубо исторический. Он прямо заявляет, что не имел в виду требовать возвращения этих земель, в этом отношении позиция Мао Цзэдуна приближается к официальной позиции КНР, изложенной в вышеприведенном высказывании Чжоу Эньлая;
- во вторых, на сей раз Мао Цзэдун подчеркивает, что поддержал позицию Японии по Курилам, в частности, по той причине, что против подобной позиции якобы не слишком возражал Микоян во время переговоров в Токио.

Эти заверения Мао оказались явно недостаточными, дабы рассеять опасения советского руководства. 15 сентября Н.С. Хрущев принял делегацию японских парламентариев во главе с видным деятелем либерально-демократической партии Кэндзи Фукунага. Советский руководитель воспользовался этим случаем, чтобы дать развернутый ответ на заявления, сделанные Мао 10 июля²³. Формулировки, использованные Н.С. Хрущевым, не могли не вызвать у Мао Цзэдуна самые серьезные размышления. Внимание привлекают следующие, например, тезисы.

Хрущев с беспрецедентной резкостью и откровенностью отверг попытки обосновывать территориальные притязания ссылками на историю. При этом он не пощадил ни русских царей, ни китайских императоров. Он заявил: «Мао Цзэдун намекает на то, что Советский Союз слишком большая страна. В Пекине любят подчеркивать, что царское правительство России приобрело слишком много территорий и включило их в свои границы. Мы не хотим защищать русских царей. Они, как и другие цари, были грабителями, вели грабительские войны, старались прихватить чужое добро и приумножить свои владения. Ко всем захватчикам прошлого — и к русским царям, и к китайским императорам — должно быть одинаковое отношение. Русские цари вели завоевательные войны. А чем занимались китайские императоры? Такими же завоевательными

войнами, тем же грабежом, что и цари России. Китайские императоры завоевывали Корею, захватили Монголию, Тибет, Синьцзян. Возьмем, к примеру, Синьцзян. Разве там искони жили китайцы? Коренное население Синьцзяна резко отличается от китайцев в этническом, языковом и других отношениях. Это уйгуры, казахи, киргизы и другие народы. Китайские императоры в прошлом покорили их, лишили их самостоятельности. Таким образом, если обратиться к истории, вспомнить, как складывались государства, то мы увидим, что во всех государствах, малых и больших, цари занимались грабежом. Разница только в том, что грабитель посильнее отхватывал побольше, а послабее — поменьше».

Весьма многозначительно высказался Н.С. Хрущев и о возможных шагах, которые способен предпринять СССР в ответ на посягательства на его территорию: «...Конечно же, если нам войну навяжут, мы будем сражаться всеми своими силами и всеми средствами. А средствами войны мы располагаем достаточно мощными, я бы сказал неограниченными. И если агрессоры развяжут войну, то они в ней погибнут. Я вынужден был вчерашний день потратить на осмотр новых видов оружия. Целый день я находился среди военных, ученых, инженеров, которые работают в этой области. Мне пришлось этим заниматься потому, что пока в мире есть еще волки, надо обязательно иметь средства для того, чтобы защищаться от этих волков. Поэтому мы и создаем самые современные средства защиты своего государства, своего рода средства защиты мира между народами. Мы хорошо знаем всю разрушительную силу этого ужасного оружия и не хотели бы никогда применять его...».

«...Мы не хотим войны, мы защищаем мир. Но если на нас нападут, границы свои мы будем защищать всеми имеющимися средствами. Границы Советского Союза — священные, и тот, кто посмеет их нарушить, встретит самый решительный отпор со стороны народов Советского Союза».

В ходе этой же беседы Хрущев с теплотой говорил о симпатиях к великому китайскому народу, желал ему успехов в социалистическом строительстве. Это, однако, вряд ли могло изменить общее впечатление Мао Цзэдуна о позиции, занятой советским руководителем.

После ознакомления с сентябрьскими высказываниями Н.С. Хрущева, Мао стал небезосновательно полагать: его суждения от 10 июля 1964 г. возымели противоположный планировавшемуся результат, побудив советского лидера к такому ужесточению позиции, пределы которого Мао Цзэдуну были неясны. 7 октября 1964 г. Мао Цзэдун беседовал с делегацией КНДР во главе с Цой Ен Генем, 9 октября он встретился с делегацией, возглавляемой албанским министром обороны Балуку. И в том, и в другом случае китайский руководитель неоднократно возвращался к теме возможной войны с СССР, с явной тревогой спрашивая собеседников: «Может ли Хрущев пойти войной на нас?» «Может ли СССР отправить войска для того, чтобы занять Синьцзян, Хэйлунцзян, вторгнуться во Внутреннюю Монголию?» «Существует или нет возможность войны с Советским Союзом?»²⁴

В этот «момент истины» Мао Цзэдун вынужден был предельно откровенно разъяснить Цой Ен Гену и Балуку подлинную подоплеку своих высказываний от 10 июля (возможно, не без надежды на то, что его слова в конечном счете дойдут до Н.С. Хрущева). Эти заявления Мао Цзэдуна являются крайне важными и заслуживают того, чтобы привести их полностью.

Вот беседа с Цой Ен Генем 7 октября 1964 г.

Мао Цзэдун: «Разве он не говорил о мирном решении пограничного вопроса?»²⁵ (Общий смех). Мы сейчас предприняли наступление и говорим некоторые пустые слова. Говорим, что правительство царской России отрезало у нас 1 миллион 500 тысяч квадратных километров, что во время Ялтинской конференции за спиной Китая отрезали Внешнюю Монголию (1 миллион 540 тысяч квадратных километров). А есть ведь еще Танну-Урянхай²⁶. Безо всякого договора наскоро превратили ее в автономную республику Советского Союза. Хотим ли мы требовать возвращения этих районов? Мы и не думаем требовать

этого, только произносим пустые слова. И Маркс, и Энгельс, и Ленин говорили, что Китай подвергался агрессии. Эти наши слова — такого же рода... Цель состояла в том, чтобы привести их²⁷ в напряженное состояние и благодаря этому добиться сравнительно рационального договора о границе. Это — тайна, вы на это обратите внимание. (Общий смех)».

Беседа с Балуку, 10 октября 1964 г.

Мао Цзэдун. «...Мы произносим некоторые пустые слова, производим некоторые холостые выстрелы. Говоря пустые слова, мы стремились к тому, чтобы на пограничных переговорах находиться в наступлении. Цель состояла в том, чтобы добиться рационального положения на границе, заключения договора о границе. Возможно, вы считаете, что мы и вправду хотим возвратить 1 миллион 540 тысяч квадратных километров земель, захваченных царями. Мы отнюдь этого не хотим. Это и называется произведением холостых выстрелов, приведением их в напряжение. Такой вот здесь смысл. Хрущев такой человек, что если ты в него не произведешь несколько холостых выстрелов, то он будет чувствовать себя нездоровым (Общий смех). Поскольку мы произвели холостой залп, то последовал залп и с его стороны. Он сообщил делегации японских парламентариев, что у него есть такое оружие, которое способно уничтожить все человечество, а прежде всего наш Китай с его 650 миллионами человек»²⁸. Такие пустые слова мы намерены говорить и впоследствии, как раз к этому готовимся. В Советском Союзе отнюдь не верят таким, как Хрущев. Там считают, что он разсит сплетни. Мою беседу с японской социалистической партией наши газеты не опубликовали, это японцы ее опубликовали. После этого наш премьер подготовил один документ. Хочет пригласить советского посла и поговорить об этом вопросе.

Чжоу Эньлай. Сейчас подготовили один документ, поговорю с ним.

Мао Цзэдун: И также готовимся открыто опубликовать. Хотим, чтобы Хрущев подпрыгнул на несколько «чжанов»²⁹ вверх от земли. Это — тайна, сейчас этот документ еще до конца не подготовили. Однако на самом-то деле нам не нужны 1 миллион 540 тысяч квадратных километров, не нужны и более 100 с лишним тысяч квадратных километров в Танну-Урянхае...»

Думается, что эти цитаты не требуют особых пояснений и позволяют предельно четко понять, как следует оценивать и трактовать печально знаменитые высказывания Мао Цзэдуна от 10 июля 1964 г. Самое главное: Мао не имел в виду выдвигать какие-либо территориальные претензии к СССР или «предъявлять исторические счета». В этом плане можно полностью согласиться с известным российским исследователем Ю.М. Галеновичем: то, что широкой общественности России и Китая долгие десятилетия ничего не было известно о содержании вышеупомянутой беседы между Мао Цзэдуном и Балуку, самым негативным образом влияло на атмосферу двусторонних связей³⁰.

16 мая 1989 г. состоялась историческая встреча между М.С. Горбачевым и Дэн Сяопином, ознаменовавшая полную нормализацию отношений между СССР и КНР. Дэн Сяопин подробно остановился на тех притеснениях, которым подвергся Китай сначала от царской России, а затем от Советского Союза. Дэн затронул проблемы «неравноправных договоров» и «полутора миллионов квадратных километров». Остановился китайский руководитель и на «военной угрозе» со стороны СССР. Завершил свой исторический экскурс Дэн Сяопин пассажем, имеющим глубокое значение: «Мои пространные рассуждения насчет того, чтобы «поставить точку на прошлом», преследуют цель дать возможность советским товарищам представить себе, как мы понимаем это прошлое и что имеем в виду. *Исторические счета предъявлены* (подчеркнуто мной. — С.Г.), и все эти проблемы канули в небытие. И в этом заключается один из результатов нашей нынешней встречи. Об этом было сказано, и с этим покончено — на прошлом поставлена точка»³¹.

Можно только восхищаться государственной мудростью, содержащейся в этих словах китайского руководителя. Дэн Сяопин справедливо исходил из

того, что сделанное Мао Цзэдуном 10 июля 1964 г. заявление о «еще не предъявленном счете» в полтора миллиона квадратных километров хорошо известно в Китае и мире. О других высказываниях, где раскрывался истинный смысл позиции Мао Цзэдуна, было известно только самому узкому кругу высших руководителей КНР. В этих условиях Дэн в понятной для китайского читателя манере заявил о том, что уже «предъявил» тот исторический счет, который Мао считал «непогашенным», и потому навеки закрывает этот исторический этап, аннулирует все сказанное 10 июля 1964 г. Именно исходя из такого понимания проблемы, Цзян Цзэминь имел все основания поставить подпись под Договором, в котором содержался тезис об отсутствии взаимных территориальных претензий.

Наиболее весомым материальным подтверждением действенности такого решения Дэн Сяопина стало подписание между двумя государствами Соглашения по Восточному участку границы от 16 мая 1991 г. и Соглашения по Западному участку границы от 3 сентября 1994 г. Оба эти документа носят бессрочный, т.е. вечный характер и не содержат упоминаний о «неравноправных договорах»³².

С подписанием этих международно-правовых актов, а затем и Договора от 16 июля 2001 г., проведена четкая грань между политическим и историческим аспектами пограничного вопроса. Отныне никакие суждения ученых об истории отношений никак не могут влиять на выполнение уже заключенных и подготовляемых сторонами документов о границе. Тем самым открывается уникальная возможность для научного исследования имеющихся здесь интереснейших вопросов, для дискуссий и сотрудничества историков двух стран.

¹ Полностью эта часть статьи 6 Договора выглядит так: «Договаривающиеся Стороны, с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия. Договаривающиеся Стороны руководствуются международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, неукоснительно соблюдают государственную границу между ними. См. текст Договора на веб-сайте Посольства России в Китае, russia.org.cn.

² Янь Цзяци. Российско-китайскую пограничную проблему нужно вновь обсудить // Дунсян. Сянган. 2002. Ноябрь. С. 35—37.

³ Галенович Ю.М. Подводные камни договора // Азия и Африка сегодня. 2002. № 5. С. 47—49.

⁴ См. Архив провинции Гуанси. Ф. 116. Оп. 11. Д. 35. Л. 37—46.

⁵ Здесь Тетцзо Ара допускает ошибку. Речь идет о ялтинских соглашениях, которые были достигнуты в феврале 1945 г.

⁶ Переговоры состоялись в октябре 1954 г., когда советская делегация приняла участие в праздновании 5-летия КНР. Личный переводчик Мао Цзэдуна описал этот эпизод: «Во время государственных празднований было немало представлений, все они были прекрасными. Делегация Монгольской Народной Республики привезла с собой группу деятелей культуры, которые также дали великолепное представление. Во время их представления я сидел слева от Лю Шаоци, слева от меня сидел Булганин, а слева от Булганина — Хрущев. Наблюдая за номерами, Булганин бормотал, обращаясь ко мне, что, мол, когда летел в самолете над Монголией, то увидел, что там сплошная пустыня, ничего там нет, экономику монголам развивать очень трудно и лучше уж возратить их Китаю. Хрущев спросил: что говорит Булганин? Булганин рассказал ему и Хрущев сказал, что не нужно такого говорить. Лю Шаоци также понял, что происходит, и спросил меня: «О чем они говорят?» Я рассказал ему. Лю Шаоци немедленно доложил об этих словах Мао Цзэдуну. Во время переговоров высших руководителей двух стран Мао Цзэдун заявил Хрущеву: «Слышал, что вы хотите вернуть Монголию Китаю. Мы это приветствуем. Просим Вас поговорить об этом с монгольскими товарищами!». Хрущев немедленно ответил: «Нет, не было ничего такого. Мы не обсуждали это с Монголией». Повернувшись, он с гневом сказал Булганину: «Все из-за того, что ты много болтаешь!» См.: Ши Чжэ. Моя жизнь. Пекин, 2002. С. 447—448.

⁷ Чжоу Эньлай поставил все эти вопросы перед Н.С. Хрущевым во время переговоров в Москве в январе 1957 г. Позднее, во время переговоров в Пекине с Мао Цзэдуном 3 августа 1958 г., Хрущев не без обиды так вспоминал об этих беседах с Чжоу Эньлаем: «...Когда произошли события в Венгрии, к нам приехал товарищ Чжоу Эньлай и прочел нам лекцию. Он обвинил нас и за Бессарабию, и за балтийские государства. Мы получили этот урок. Получается, что вы можете критиковать нас, но мы не можем критиковать вас...»

⁸ Хабаровск.

⁹ Владивосток.

- ¹⁰ Нерчинский договор между Россией и Китаем был подписан 7 сентября 1689 г. Он стал первым двусторонним договором о границе. См. Китайский дипломатический словарь / под ред. Тан Цзясюаня. Пекин, 2000. С. 449—450.
- ¹¹ Хроника жизни Чжоу Эньлая, 1949—1976. Пекин, 1997. Т. 2. С. 673.
- ¹² Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М., 2001. С. 88—114; 50 лет дипломатии нового Китая / гл. ред. Ван Тайпин. Пекин, 1999. Т. 2. С. 912—915.
- ¹³ Мао Цзэдун выражает поддержку японским требованиям о возврате территорий. Асахи симбун. 1964. 12 июля.
- ¹⁴ Признание статуса Японии? Председатель Мао, поддерживая требование о возврате северных территорий, критикует Советский Союз с исторических позиций // Асахи симбун. 1964. 14 июля.
- ¹⁵ По поводу беседы Мао Цзэдуна с группой японских социалистов // Правда. 1964. 2 сент.
- ¹⁶ Премьер Чжоу заявляет ознакомительной делегации японских социалистов, что поддержка требования Японии о возврате северных территорий является последовательной политикой Китая // Асахи симбун. 1964. 1 авг.
- ¹⁷ Правда. 1964. 2 сент.
- ¹⁸ См., напр. Авантюризм китайских руководителей // Правда. 1964. 4 сент.; Ф.Н. Петров, член КПСС с 1896 г., Герой Социалистического Труда «Решительно осуждаем провокационные действия пекинских раскольников»; В.Е. Быховский, академик «Неприкрытый шовинизм» // Правда. 1964. 5 сент.; А. Алиуев, член КПСС с 1917 г., начальник комбината «Приморскуголь», Герой Социалистического Труда «Гневный протест дальневосточников»; Ш. Чокин, президент Академии наук Казахской ССР «Наглый шовинизм»; Вилли Мон, член политбюро ЦК СЕПГ «Опасный курс китайских руководителей» // Правда. 1964. 6 сент.; «Темные замыслы китайских руководителей» (Заявление Монгольского телеграфного агентства) // Правда. 1964. 1 сент.
- ¹⁹ Эта делегация прибыла в Японию 14 мая 1964 г.
- ²⁰ В декабре 1963 г., выступая в Верховном Совете СССР, Н.С. Хрущев обвинил китайское руководство в двурушничестве. Он, в частности, заявил: почему КНР не испытывает интереса к возвращению в свое лоно Макао, Гонконга, попавших под контроль Португалии и Великобритании в результате империалистических войн и неравноправных договоров, но одновременно затевает территориальную вражду на границе с Индией?
- ²¹ Речь идет об уже упоминавшихся переговорах в январе 1957 г.
- ²² Запись беседы Мао Цзэдуна с Ж. Пике и др. 10 сентября 1964 г.
- ²³ См. Прием Н.С. Хрущевым парламентской делегации Японии // Правда. 1964. 16 сент.; Беседа товарища Н.С. Хрущева с парламентской делегацией Японии 15 сентября 1964 г. // Правда. 1964. 20 сент.
- ²⁴ Запись беседы Мао Цзэдуна с Цой Ен Геном (7 окт. 1964 г.); запись беседы Мао Цзэдуна с Бадуку (9 окт. 1964 г.)
- ²⁵ 31 декабря 1963 г. Н.С. Хрущев обратился к главам государств мира с предложением отныне решать пограничные вопросы исключительно мирными средствами.
- ²⁶ Тува.
- ²⁷ Т.е., советскую сторону.
- ²⁸ Имеются в виду заявления, сделанные Н.С. Хрущевым 15 сент. 1964 г. во время беседы с японскими парламентариями.
- ²⁹ Один «чжан» равен 3,33 м.
- ³⁰ Галенович Ю.М. «Россия и Китай в XX веке. С. 102—105.
- ³¹ Дэн Сяопин. Поставить точку на прошлом, открыть будущее // Избранное. Т. 3 (1982—1992).
- ³² Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части. Подписано в Москве 16 мая 1991 г. министром иностранных дел СССР А.А. Бессмертных и министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем. Ратифицировано Верховным Советом России 13 февр. 1992 г. Ратифицировано Председателем КНР 25 февр. 1992 г. Обмен ратифицированными грамотами произведен в Пекине 16 марта 1992 г. Вступил в силу 16 марта 1992 г. Бессрочно // Сборник российско-китайских договоров, 1949—1999. М., 1999. С. 117—125; Соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Западной части. Подписано в Москве 3 сент. 1994 г. министром иностранных дел России А.В. Козыревым и министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем. Ратифицировано Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 23 июня 1995 г. Одобрено Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 5 июля 1995 г. Федеральный закон подписан Президентом Российской Федерации 15 июля 1995 г. Ратифицирован Председателем КНР в соответствии с постановлением ПК ВСНП от 29 декабря 1994 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Пекине 17 октября 1995 г. Вступило в силу 17 октября 1995 г. Бессрочно. Там же. С. 275—277.

SUMMARY. Councilor-envoy of the Embassy of Russia in China S. Goncharov and Prof. of the Beiping University Li Danhuei called their article “On the “Territorial Claims” and “Unequal Treaties” in the Russo-Chinese Relations: Myths and Reality”. The authors retrace the process of the Soviet-Chinese and Russo-Chinese negotiations on the frontier issue, and analyze the results of them. There are represented estimates of relations between Russia and China given by the leaders of both countries.